
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ НЕКОТОРЫХ ЭПИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

(Описание вооруженного воина в ирландском героическом эпосе)

В середине I тыс. до н. э. среди народов Средней Европы по своей внешней активности выделяются воинственные племена кельтов. В течение нескольких столетий их экспансия была одним из наиболее существенных политических факторов в жизни государств Средиземноморья: в IV и III вв. до н. э. кельты ведут опустошительные войны с этрусками и римлянами, совершают набеги в Грецию, вторгаются в Малую Азию. В ходе миграций кельты устанавливают господство на огромной территории, от Британских островов до Карпат и Малой Азии. Однако даже в период

максимальной военной активности отношения кельтов с античными государствами охватывали не только военную и политическую сферы: кельтские племена были для обществ античного мира объектом импорта керамики, металлических и других ремесленных изделий; кельты поставляли на рынки Средиземноморья рабов, в политической борьбе античных государств широко использовались отряды кельтских наемников. Изучение кельтского общества представляется важным не только для понимания этнокультурных процессов, протекавших в I тыс. до н. э. в Средней Европе, но и для более полной характеристики взаимоотношений высокоразвитой античной цивилизации и ее первобытной, «варварской» периферии.

Появление кельтской письменной традиции относится к эпохе средневековья, когда кельты сумели сохранить политическую независимость только в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и Бретани, так что все попытки реконструкции кельтского общества более древнего периода предпринимались главным образом на основе двух групп источников: свидетельств античных авторов и данных археологии. В данной ситуации представляют интерес попытки ряда исследователей использовать при интерпретации этих источников архаичные пласты ирландской эпической традиции. Стадиальное соответствие материала саг Уладского цикла ирландского эпоса обществу доримской Галлии отмечали К. Хьюз и Т. Пауэлл¹, а К. Джексон прямо называет ирландские героические предания «окном в железный век»². Однако при привлечении ирландских источников для реконструкции кельтского общества второй половины I тыс. до н. э. ощущается недостаточная изученность конкретных параллелей между мотивами ирландской эпической традиции, с одной стороны, и археологическими данными и свидетельствами античных авторов, с другой³. Данная работа представляет собой попытку соотнести один из мотивов саг Уладского цикла ирландского эпоса — описание война на колеснице — с реалиями кельтской культуры.

Уладский цикл, или цикл «Конхобара и Кухулина», объединяет достаточно компактный свод героических преданий ирландского эпоса, связанных единством событий и действующих лиц. Сюжетную канву саг этого цикла составляет противоборство Ульстера (страны Уладов) и Коннахта, двух сильных племенных объединений Ирландии. Кульминация этой борьбы, по данным средневековых ирландских хроник, приходится на рубеж эр⁴. Персонажи группируются вокруг короля уладов Конхобара и короля Коннахта Айлила и его жены Медб. Большое место в сагах Уладского цикла занимает описание рождения, возмужания, подвигов и героической смерти центрального персонажа цикла — Кухулина.

Памятники ирландской эпической традиции содержат большое количество почти дублирующих друг друга описаний вооружения война, его внешности, одежды и боевой колесницы, запряженной парой лошадей. Эти элементы составляют устойчивое и, с точки зрения современного читателя, громоздкое единство, которое можно в целом назвать описанием война на

¹ Hughes K. Early Christain Ireland. N. Y., 1967. P. 175; Powell T. G. E. The Celts. L., 1967. P. 38.

² Jackson K. H. The Oldest Irish Tradition: a Window on the Iron Age. Cambr., 1964. P. 12.

³ Наиболее ранние варианты текстов саг относятся к VIII—X вв., хотя устная традиция отражает ситуацию более древнего периода. Поиск археологических параллелей позволяет, таким образом, и более определенно говорить о времени возникновения отдельных мотивов и напластований кельтской эпической традиции.

⁴ Keller J. V. The Tain and the Annals // Eriu. 1971. XXII. P. 107—128.

колеснице. Это описание вводится перед достаточно важными, с точки зрения сюжета саги, событиями: встречей героя с будущей женой, битвой и поединком перед смертью героя. Формирование описания, накопление его компонентов вокруг образа воина, например Кухулина, происходит в значительном эпизоде саги «Похищение быка из Куальнге», который повествует о возмужании и инициации героя⁵. Фрагменты саг, посвященные детальному воспроизведению облика воина и его оружия, весьма автономны в тексте памятника, а Лейнстеровская книга — рукопись XII в. — дает нам образец подобного фрагмента, вынесенного вообще за пределы какой-либо саги. Этот текст, известный под названием «Косящая колесница» (*Cathcharpat Serda*⁶) и лишенный повествовательного начала, представляет собой подробное описание внешности, одежды, оружия воина и его возницы, а также коней и боевой колесницы. Текст изобилует деталями, характеризующими быстроту и силу коней, мощь колесницы, великолепие одежд, богатство украшенного причудливым орнаментом оружия, он содержит сведения о цвете волос и глаз воина, но мы не узнаем там его имени. В данном случае описание воина на колеснице как памятника существует независимо от конкретного персонажа. Подобное впечатление возникает и при чтении большого эпизода парада уладских воинов в «Похищении...». Рассказ посла Коннахта Мак Рота о шествии сильнейших воинов Ульстера мимо холма в Слемайн Миде сопровождается описанием в каждом случае почти одного и того же набора предметов. Описания не повторяют друг друга дословно, в них варьируются детали: цвет плаща, щита, материала, из которого сделана рукоять меча, и т. д., но набор компонентов и характеристик везде почти совпадает⁷.

Так же как описание воина не несет черт портретных, индивидуальных, не зависит оно и от ситуации: одинаковый комплекс вооружения перечисляется и во время сборов Кухулина для схватки с войсками ирландцев⁸ и во время приготовления к тому, чтобы показаться женщинам и филидам из лагеря ирландцев после сражения⁹. Иногда подобный перечень вводится не только независимо от конкретной ситуации, но в деталях своих — вопреки ей. Так, описание облика Фергуса, сына Ройга, в эпизоде его посольства к Кухулину¹⁰ содержит упоминание его длинного меча, хотя в это время Фергус, по логике сюжета, не мог носить меча. Меч был отобран у него королем Айлилем после того, как последний застал Фергуса наедине со своей женой Медб.

Независимость устойчивых характеристик воина от ситуаций и от индивидуальности самого воина подчеркивается и чисто языковыми средствами. В эпических произведениях нет четкого и однозначного понятия «воин». Наиболее часто используются термины *laech* или *fir*, которые переводятся как «воин» и «муж». Однако наряду с этим существует слово *gaiscedach*, которое можно перевести как «копьеносец», и *carpdech n-imrindm* — «воин, сражающийся копьем, с колесницей», или «колесничный боец-копьеносец». В ряде случаев вводится термин *eirr*, который этимологически означает «едущий на колеснице», подобно тому как термин «рыцарь» (*eques*) когда-то обозначал всего лишь всадника. Все эти термины могут в тексте

⁵ *Tain Bó Cualnge from the Book of Leinster*. Ed. by O'Rahilly C. Dublin, 1970. P. 21—33.

⁶ *Cathcharpat Serda // The Book of Leinster*. V. II. Dublin, 1956. P. 833 f.

⁷ *Tain...* P. 118—126.

⁸ *Ibid.* P. 60—62.

⁹ *Ibid.* P. 64.

¹⁰ *Ibid.* P. 43.

саги употребляться по отношению к одному и тому же лицу, и, таким образом, они не являются здесь средством, подчеркивающим военную специализацию персонажа. Скорее всего они также обусловлены устойчивыми ассоциациями образа воина с определенным набором характеристик, в данном случае с оружием. На тесную связь отдельных компонентов описания воина на колеснице указывает существование словосочетания *claided carrait*, которое можно перевести как «колесничный меч». Описание воина на колеснице обладает и внутренним стилистическим единством, поскольку даже для прозаических фрагментов характерна необыкновенная насыщенность образных средств, позволяющих подчеркнуть исключительность воина и силу его оружия. Огромное количество сравнений и метафор придают тексту сходство с ярким и пестрым орнаментом, элементы которого образуют четкий ритмический рисунок, отличный от звучания остального текста саги. Это достигается введением аллитераций и повторов. Однако те же средства, которые создают красочность и поэтичность текста описания, придают ему и некоторую статичность, что подчеркивает автономность фрагмента и противопоставляет его динамике развертывания событий.

Таким образом, описание воина на колеснице представляет собой весьма автономный фрагмент текста саги, независимый от личности конкретного персонажа и не являющийся средством развития сюжета. Воспроизведение одного и того же набора характеристик, привязанных к различным ситуациям и персонажам, очевидно, было обусловлено той структурой сознания, для которой представляется наиболее ценным не столько разовое, сколько повторяющееся, не столько единичное, сколько целое; критерием же поведения личности было как можно более точное и буквальное следование традиции¹¹.

Преобладание подобных героических характеристик ставит в глазах эпической традиции знак равенства между героем и его поступком, делает его достойным следующего за этим описанием события, каждый раз как бы подтверждая его статус. Иными словами, если учесть роль инициации для формирования этого комплекса, то его внесение в структуру текста в значительной степени служит показателем «полноценности» воина, прошедшего через все стадии обряда посвящения. Его перечисление перед определенными событиями, таким образом, является санкцией к действиям определенного, героического рода. Это предполагает наличие устойчивого, почти канонического набора характеристик воина в эпическом сознании, поскольку в данном качестве выступает не деталь, не отдельная характеристика, а комплекс, составляющие которого неотделимы ни друг от друга, ни от остальных героических мотивов саги.

Опустим мифологические аспекты этой санкции, которые, несомненно, присутствуют, например, в описании чудесного искажения образа Кухулина в ходе наиболее важных сражений и поединков, но выходят за рамки данной работы. Обратим внимание лишь на то, что устойчивый комплекс характеристик воина, будучи независимым от образов конкретных персонажей, в целом связан с достаточно жесткой моделью поведения эпического героя и со всем эпическим пластом саг Уладского цикла. Действительно, оружие играет большую роль и в характеристике поведения эпического героя, и вне этого описания. Взаимоотношения воина и его оружия занимает важное место в раскрытии силы воина: Кухулин ломает 17 колесниц и 14 «комплектов» вооружения (два копыя, щит и меч) в ходе

¹¹ Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1984. С. 107.

обряда принятия оружия, пока король Конхобар не вручает ему собственное оружие и колесницу. 17 колесниц ломает и Фергус, пытаясь вытащить из земли столб с огамическими надписями, который был воздвигнут Кухулином. В тексте «Похищения...» упоминается гейс, запрещающий воину трогаться в путь, если плоха колесница. В одном из сражений Кухулин в ярости сражается обломками колесницы. Меч Фергуса является символом его мужской силы: король Айлиль, застав воина наедине со своей женой Медб, отбирает у него меч, наказывая его таким образом. Тексты саг содержат достаточно много подобных примеров.

Рассмотрим компоненты описания воина на колеснице как устойчивого единства. Большое место в этом описании занимает колесница героя. Ею пользуются как транспортным средством — в этом качестве она упоминается прежде всего в сагах, но реже — как боевое средство. Герои далеко не всегда сражаются с колесниц. Этот вид сражения постоянно связан с образом Кухулина, но тем не менее колесница входит в традиционное описание воина. Грохот ее колес и стук копыт запряженных в нее коней часто предваряют появление воина и его описание. Колесница Фергуса сравнивается с «огромной горой на просторной долине», колеса колесницы Кухулина так глубоко взрывают землю, что оставляют после себя насыпь, похожую на валы крепости. Колесницы этого персонажа описываются, пожалуй, наиболее красочно и подробно. Лишь ее, «усеянную железными остриями», называют в тексте саги «косящей». Эти приспособления позволяли ей разрезать и раздирать все на своем пути. Текст описания колесницы Кухулина содержит упоминания оси, оглобель, остова, серебряной дуги — ярма, обода, колес, элементов упряжи. Деревянный или сплетенный из ивовых прутьев остов снабжен крепкими бортами, зеленым пологом. На дно колесницы брошены циновки и подушки, а иногда колесница называется «прямоугольной» и «четырёхколесной». Эти детали выглядят фантастично, по крайней мере боевых колесниц такого рода не знает кельтская археология.

Вслед за колесницей описываются и запряженные в нее кони, мощь и красота которых подчеркивается особо поэтичными сравнениями: «... подобны соколу, наступающему добычу в ветреный день, подобны жестоким порывам весеннего ветра, что дует в долине мартовским днем, подобны обезумевшему оленю, впервые спугнутому собаками, были кони в колеснице Кухулина, что, казалось, неслись по сверкающим, жгучим камням, так, сотрясаясь, дрожала земля от неистовой скачки»¹².

За описанием коней следует обычно характеристика внешности героя. Так, волосы Фергуса сравниваются с листвою высокого дерева, про волосы Конхобара мы узнаем, что они коротко острижены и вьются, про волосы Кухулина — что они были трех цветов: коричневые, светлые и золотые. Зубы героя сравниваются с жемчужной пеной, цвет бровей — с углем. Часто о Кухулине говорится, что у него семь пальцев на каждой руке и ноге, семь зрачков в глазах и семь ямочек на щеках. Особо отмечалось чудесное искажение внешности героя в наиболее жестокие моменты сражения, когда все мышцы его превращались в твердые огромные бугры, все тело под кожей чудовищно изгибалось, один глаз западал внутрь, а другой вываливался на щеку. В эти минуты удары «сердца о ребра» можно было принять за рычание льва, а из лба Кухулина исходило «геройское сияние»¹³. Из одежды наиболее часто упоминается в подобных описа-

¹² Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С. 245.

¹³ Tain... P. 61 f.

ниях плащ, сколотый на груди фибулой. Некоторые воины вступают в сражение обнаженными.

Оружью уделялось особое внимание как в описании воина на колеснице, так и в других фрагментах. У некоторых персонажей элементы вооружения носят собственные имена. Например, щит Конхобара назывался Окайн Конхобуйр (Ochain Conhobuir), меч Фергуса — Каладболг (Caladbolg). В сагах Уладского цикла, в частности в «Похищении быка из Куальнге», используются в основном два следующих термина, обозначающих «меч»: *colg* и *claideb*. Первый достаточно часто упоминается в словосочетании *colg det*, что переводится как «меч с костяной рукоятью», но никогда — словами, обозначающими рукоять металлическую. Термин *claideb* вообще употребляется чаще, и рукоять его определяется и как костяная, и как металлическая.

Однако перевод словосочетания *claideb con-eltaib det* как «меч с костяной рукоятью» не совсем точен. Слово *eltaib* обозначает не всю рукоять, а определенную ее часть (в переводе саги на английский язык используется термин *guard* — «гарда»). В некоторых местах костяная рукоять этого типа меча называется «украшенной (*intlassi*) золотой (путью)» или серебром, что никогда не используется для характеристики *colg det*. Украшена может быть и металлическая, например, золотая (*orðuirni*) рукоять такого меча.

Таким образом, можно выделить два типа меча, различающихся видами рукояти. Первый тип меча — с простой, очевидно, втульчатой неорнаментированной костяной рукоятью; второй — с орнаментированной сложной рукоятью, иногда цельнометаллической, иногда — с костяными вставками. Обе разновидности меча были скорее всего длинными и рубящими: часто упоминаются отрубленные мечами головы, мечами вырубают ямы в земле и дороги в чаще леса для колесниц. Фергус своим мечом, «длинным, как руль корабля», сносит одним ударом три верхушки холмов, что потом повторяет Кухулин, мечом обрубаются вонзившиеся в щит копыя. Однако иногда в тексте упоминают колющие удары меча *claideb*, этот же тип меча называется коротким у мальчика Эрка, сына Фейдлимид Нойкрутах, а в описании сбора Кухулина на битву с ирландцами называется наряду со «светлоликим мечом с костяной рукоятью» (*cholg ñdet ñdrechñdus*) «восемь малых мечей» (*ocht claidbini*). Но подобные упоминания редки. Меч вкладывался в большие, богато орнаментированные «кольцами из пестроцветного золота» и «белого серебра» ножны. От копий и мечей воин защищал «широкий», «длинный», «неохватный», «увесистый», «крепкий» щит с яйцевидным умбоном. По форме, очевидно, щит был круглым или овальным, но щит Конхобара — Окайн Конхобуйр — был четырехугольным. Щит прикрывал воина почти целиком, так что Фергус, сражаясь с Конхобаром, не мог узнать своего противника. Щит мог быть ярко раскрашен в цвета: темно-красный, красный, ярко-красный, черный, темный, серый, голубой, желтый и золотой. Упоминаются металлическое и кожаное покрытие щита, металлическая, «серебряная» кромка, которая может быть зазубренной или острой, что придает щиту характер наступательного оружия и оправдывает эпитет «разящий». В центре меча располагается умбон — тяжелая шишка из «красного золота» или «белого серебра». На умбоне изображены «лики зверей», часто — кабанов; их силуэты могут покрывать, так же как и золотые узоры, всю плоскость щита. В комплексе вооружения колесничного бойца входят и два длинных копыя. «Могучее, в песнях прославленное» копые Кухулина изображается с крученым древком, копые Сенха, сына Айлиля, сравнивается со стол-

бом из дворца. Герои сражаются копьями с одним наконечником, с наконечниками спереди и сзади, копьями с раздвоенными наконечниками и даже с пятиконечными копьями. Упоминаются красные, зеленые и серые наконечники копий, которые могут быть, как и древко, покрыты орнаментом. Копье Кускрайда Менд Маха было снабжено «золотыми кольцами и лентами из серебра». Текст фрагмента «Похищения...», в котором описывается поединок Кухулина с Фер Диадом¹⁴, содержит сведения о двух типах копий: метательном (sleg), снабженном специальными веревками и ремнями, и тяжелом длинном копье с широким наконечником (manaic), которое было предназначено для сражения с колесниц. В сагах упоминается также и копье Кухулина га булга (gae bulga), которое Кухулин бросал ногой из-под воды во время поединка у брода, для чего это копье было снабжено специальным карманом. Кроме перечисленных элементов вооружения саги содержат более редкие упоминания дротиков, стрел, кинжалов, а из защитных вооружений — шлемов, панцирей и кожаных нагрудников. Достаточно часто вместе с обликом Кухулина текст описания воспроизводит внешность и одежду его возницы Лаэга.

Описание война на колеснице изобилует фантастическими деталями. Ни пятирогое копье, ни копья и дуги из крученого дерева, ни колесницы, снабженные лезвиями и острьями, не известны в археологии. Эти детали, очевидно, слишком долго существовали в устной традиции и обросли бесконечным количеством преувеличений, которые постоянно обыгрываются как в описаниях воинов, так и в других местах. Только некоторые элементы этого комплекса можно интерпретировать с точки зрения археологических данных: кельтскую боевую колесницу, рукояти мечей, орнаментированные наконечники копий. Однако не менее существенным представляется устойчивый характер всего комплекса вооружений.

Прежде всего следует отметить, что письменные источники, синхронные рукописям саг, не содержат упоминаний и свидетельств существования подобного комплекса. Например, Джеральд Кембрийский, автор созданной в 1080-х годах «Топографии Ирландий», отмечает, что основным оружием ирландцев был большой топор, который они «по древнему и дьявольскому обычаю» держали всегда наготове и предпочитали всем другим видам оружия¹⁵. Зато этот комплекс, в том числе и боевые колесницы, хорошо известен античным авторам — Титу Ливию, Цезарю, Тациту и др. Но их свидетельства недостаточны для датировки кельтского комплекса вооружения, описанного в сагах, так что обращение к археологическим данным представляется единственной возможностью выявить те реалии кельтской культуры, которые легли в основу данного комплекса вооружения.

Но привлечение ирландских археологических материалов сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, кельтские памятники Ирландии исследованы гораздо меньше, чем континентальные. Это неизбежно влечет за собой определенную фрагментарность сведений. Во-вторых, изоляция острова, значительно большая, чем Британии, и относительно небольшое количество находок античных вещей затрудняют построение абсолютной хронологической шкалы археологических памятников, и, наконец, археологический материал, которым располагают исследователи, обладает весьма большой спецификой. Это следует оговорить особо.

В развитии кельтских археологических памятников обычно выделяют

¹⁴ Tain... P. 71—100.

¹⁵ Gerald of Wales. The History and Topography of Ireland. L., 1982. P. 107.

два периода: галльштатский и латенский. Второй из них называют собственно кельтским, или «периодом исторических кельтов», — именно в это время кельтское общество входит в активный контакт со средиземноморскими культурами; галльштат же выделяют как завершающую ступень этногенеза кельтов. Переход от галльштата к латену в различных районах кельтского мира приходится на разное время: в Галлии — на V в. до н. э., в Британии — на рубеж IV и III вв. до н. э., а в Ирландии — на I в. до н. э.¹⁶ Кроме того, в Ирландии отсутствует ряд характерных показателей эпохи позднего галльштата и раннего латена, а некоторые элементы, свойственные галльштатскому периоду, продолжают существовать в ирландском латене, в то время как на континенте исчезают или трансформируются.

Один из таких характерных элементов — это погребение в колесницах. В Ирландии отсутствуют как позднегалльштатские захоронения в четырехколесных повозках, так и типичные для первых фаз латенской эпохи погребения в боевых колесницах¹⁷. Боевая колесница, столь часто упоминаемая в ирландском эпосе, до сих пор не известна в археологии Ирландии. Повозка, запряженная парой лошадей, была известна на острове: единичные находки упряжи лошадей, запрягаемых попарно, относятся, по данным Е. Джоупа, к периоду с III по I в. до н. э., но чаще — к I—IV вв. н. э.; однако нет никаких оснований называть эти повозки боевыми колесницами¹⁸. Эти данные позволяют сделать следующее предположение. Очевидно, колесницы, существующие в эпической традиции, имеют два пласта реалий: первый — повозка, запряженная парой лошадей, используемая скорее всего лишь как транспортное средство (выше уже отмечалось, что колесница в ирландском эпосе используется в основном как транспортное средство). Время использования ее установлено Е. Джоупом: с III в. до н. э. по IV в. н. э. Второй же пласт реалий связан с кельтской боевой колесницей, в Ирландии не известной. В эпосе представление об этих реалиях могло слиться. Поэтому колесница Кухулина и была названа однажды четырехколесной, хотя боевые колесницы были только двухколесными.

Четырехколесные повозки были достаточно распространены у кельтов в позднегалльштатское время (VII—V вв. до н. э.), но это были не боевые колесницы, а культовые повозки. Они известны как ведущие компоненты так называемых «княжеских погребений» той эпохи, которые представляли собой пышные курганные захоронения, мужские или женские, с большим количеством керамики, в том числе и импортной, украшений, иногда — золотых. Оружия в таких погребениях было сравнительно немного. «Княжеские погребения» в основном были распространены в Центральной и Восточной Франции и в Западной Германии: у Шатильон-сюр-Сен (Франция), в Оненгейме (Эльзас), в окрестностях Гейнебурга (Австрия) и в других местах¹⁹. Кельтские четырехколесные культовые повозки известны также и по изображениям на керамике и мелкой скульптуре.

Наиболее древние свидетельства о существовании у кельтов двухколесных боевых колесниц относятся к VI—V вв. до н. э. От этого периода сохранились их изображения на ситулах, металлических сосудах из

¹⁶ Hawkes C. F. C. The ABC of the British Iron Age // The Problems of Iron Age in Southern Britain. J., 1958. P. 7; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 245.

¹⁷ Raftery D. The Archaeology of the Celts in Ireland // The Celts. Cork, 1964. P. 50.

¹⁸ Jope E. M. Chariotry and Paired Draught in Ireland during the Early Iron Age // Ulster Journal of Archeology. 1959. XVIII. P. 37—44.

¹⁹ Монгайт. Ук. соч. С. 175 слл.

Куффарна (Австрия) и Вача (Югославия), однако свидетельства становятся более частыми с V в. до н. э., когда исчезают «княжеские погребения» и появляются захоронения в боевых колесницах. Этот погребальный обряд с минимальными локальными различиями прослеживается почти на всей территории расселения кельтов, которая распадается на три зоны, охватывающие Галлию, районы Средней Европы и Британию. Памятники Галлии предоставляют данные о наиболее древних (с V в. до н. э.) кельтских погребениях в колесницах. Крупные курганные комплексы этого типа известны в районе Марна, на Среднем Рейне, где, по свидетельствам античных авторов, обитали племена белгов, в Шапани, где жили паризии, и на севере Дунайского бассейна²⁰. Галльские погребения в колесницах датируются первой и второй фазами латена, по периодизации Рейнеке, т. е. периодом с V по рубеж III и II вв. до н. э. Во II в. до н. э. колесницы исчезают из погребений, а столетием позже ими вообще перестают пользоваться галлы. Если Диодор Сицилийский, ссылаясь на Посидония, автора начала I в. до н. э., говорит, что галлы пользуются боевыми колесницами²¹, то Цезарь в середине того же столетия уже не упоминает о колесницах в Галлии. В средневропейской зоне (на востоке от Галлии вплоть до Карпат) погребения в колесницах были распространены в III—I вв. до н. э., однако их находки на территории Чехословакии, Венгрии, Болгарии носят спорадический характер²². Погребения в колесницах на территории Британии известны с III в. до н. э. по II в. н. э.²³ Подобное «запаздывание» этих дат находок в Ллин Кэрриг Бэх (Англесей), в Йоркшире и других местах по сравнению с галльскими памятниками связано с более поздним началом латенской эпохи в Британии. В Ирландии, как уже отмечалось, захоронений подобного типа не обнаружено.

Инвентарный комплекс кельтских погребений в колесницах обязательно включал воинское вооружение, состоящее из одного или двух копий, меча и щита. Ножны меча были обычно богато орнаментированы, а на яйцевидном умбоне большого овального или четырехугольного щита часто был изображен кабан. Курганные захоронения в колесницах иногда сопровождалась погребениями слуг или возниц. Одежда в таких погребениях, как правило, не сохранилась, но очень хорошо известна бронзовая фибула-заколка, которой скалывались элементы одежды. Фибула — одна из самых массовых находок эпохи позднего гальштата и латена.

Параметры раннелатенского погребения воина в боевой колеснице в целом совпадают с устойчивым набором компонентов, составляющим описание воина на колеснице в сагах Уладского цикла. Однако возможные параллели этим не исчерпываются. Вот как описано приближение уладских воинов к противнику в «Похищении...»: «...то натягивались поводья, стучали колеса, лошади били копытами, скрипели колесницы

²⁰ *Hodson F. R.* The Lá Téne Cemetery of Münsingen — Rein. Bern, 1968; *Bognár-Kutzián I.* Some New Early Lá Téne Finds in the Northern Danube Basin // *The Celts in Central Europe.* Szekesfehervaz, 1975.

²¹ *Tierney J. J.* The Celtic Ethnography by Poseidonius // *Proceeding of the Royal Irish Academy.* 1960. XL. P. 227, 250.

²² *Piggott S.* Ancient Europe from the Beginning of Agriculture to the Classical Antiquity. Chicago, 1965. P. 215.

²³ *Stead I. M.* A Distinctive Form of Lá Téne Barrow in Eastern Yorkshire and on the Continent // *Antiquaries Journal.* 1961. XLI. P. 54; *Alcock L.* Celtic Archeology and Art // *Celtic Studies in Wales.* Cardiff, 1963. P. 18—21.

и разносились громкие голоса идущих... мужей и героев»²⁴. А Тит Ливий описывает боевые колесницы кельтов в битве при Сентинуме в 295 г. до н. э. так: «...римские всадники... были приведены в ужас сражением неизвестного им дотоле характера: стоя на боевых колесницах и телегах, со страшным грохотом, производимым лошадьми и колесами, явились вооруженные неприятели и напугали непривычных к шуму римских лошадей»²⁵. Зрительное впечатление посла Коннахта Мак Рота и римского историка в целом совпадают. А сравнение описания последнего сражения Кухулина в саге «Большое поражение при Маг Муиртемне»²⁶ с описанием Цезарем боя с бриттами позволяет говорить о едином комплексе боевых приемов сражения с колесницы, который состоит из следующих компонентов: сначала колесницы гонят вдоль боевого порядка неприятеля, потом врзаются в гущу врага и кельтские воины, соскочив с колесниц, сражаются пешими. «Тем временем, — пишет Цезарь, — возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае, если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом, в подобном сражении достигается подвижность конницы с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро прыгнуть в колесницу»²⁷. Подобное упражнение предельно и Кухулин во время своего последнего боя.

Интересно сопоставить роль колесницы в жизненном цикле ирландских героев, с одной стороны, а галлов и британцев — с другой. Уже отмечалось, что в ирландском эпосе весь комплекс вооружения занимал одно из важных мест в системе обрядов посвящения: одна из фаз инициации так и называлась — «принятие оружия». Следует отметить и противоположное: колесница и оружие были связаны в сагах и с мотивами смерти. Действительно, Кухулин во время инициации спит на поле боя в колеснице (сон во время этого обряда у многих народов символизировал смерть — смерть мальчика, после чего следовало рождение мужчины — пробуждение). Также спит в колеснице и Фер Диад перед поединком с Кухулином, который кончится для него смертельным исходом. В одном из эпизодов «Похищения...» Кухулин кладет тела убитых воинов на колесницы. И, наконец, в саге «Большое поражение при Маг Муиртемне» смерти Кухулина предшествует смерть его возницы, его воинов, колесница героя теряет один хомут, а после смерти Кухулин предстает сказочным видением женщинам из столицы уладов Эмайн Махи, стоящим во весь рост в колеснице и поющим песню о величии этой священной столицы. Таким образом, колесница и оружие сопровождают всю жизнь воина — от обряда посвящения, где он рождается как воин и получает имя и оружие, до самой смерти.

Не менее четкую связь комплекса вооружения воина и его боевой колесницы с жизненным циклом воина демонстрирует и раннелатенский погребальный обряд. Он фиксирует тесную и прочную связь воина с его оружием на последнем этапе жизненного цикла, сопровождая его переход в загробный мир.

²⁴ Похищение быка из Куальнге. С. 295.

²⁵ *Тит Ливий*. Римская история от основания города... Т. II. М., 1901. С. 281.

²⁶ *Brislich Mor Maige Muirthemne // The Bood of Leinster*. V. II. Dublin, 1954. P. 446—450.

²⁷ Записки Юлия Цезаря. М., 1962. М. 63.

Итак, параллели между комплексом вооружения, входящим в описание воина на колеснице, и параметрами раннелатенского погребального обряда представляются достаточно четкими. Во-первых, совпадает набор военных атрибутов: боевая колесница, щит, меч и два копья входят и в текст устойчивого описания, и в инвентарь погребений. Во-вторых, в целом похожи друг на друга способы ведения боя с использованием боевых колесниц. И в-третьих, и в том и в другом случае несомненна связь этого комплекса с жизненным циклом воина — от инициации до смерти. Современное состояние археологического материала позволяет предположить, что эта связь зародилась в начале латенской эпохи и образ воина на колеснице был занесен в Ирландию с континента или из Британии. Очевидно, это могло произойти где-то на рубеже эр: в I в. до н. э. гальштат на острове сменился латеном, а в первые века нашей эры колесницы исчезают и в Британии, где они существовали наиболее длительное время. Однако более точную датировку могут дать лишь те компоненты устойчивой характеристики воина в ирландском эпосе, прообраз которых может быть найден и в самой Ирландии. Именно такими компонентами являются меч и орнаментированные наконечники копья.

Оружие гальштатского периода в Ирландии представлено, в частности, длинными бронзовыми и железными листовидными мечами с костяными или деревянными вставками металлических рукоятей, которые часто покрывались орнаментом. Мечи этого типа типологически соответствовали континентальным раннегальштатским мечам с рукоятью У-образной формы²⁸. По этим параметрам гальштатский тип меча, распространенный в Ирландии вплоть до I в. до н. э., можно соотносить с описанным в эпической традиции «мечом с рукоятью с костяными вставками, изукрашенной золотой нитью» (*claideb co n-eltaib det co n-imdena Snraith oir*). Характерная же простая втульчатая рукоять, известная на континенте на протяжении всего латена²⁹, с которой сопоставима костяная рукоять меча *colg det*, отсутствует, так же как и колесница, в археологии Ирландии³⁰. С другой стороны, в археологическом материале раннего латена Ирландии, и в позднегальштатский период на континенте известны орнаментированные наконечники копий³¹, также фигурирующие в эпосе. Все это вместе взятое позволяет достаточно определенно датировать появление комплекса вооружения, входящего в устойчивое описание воина на колеснице, периодом с I в. до н. э. по I или II в. н. э. — именно на этот период падает пересечение хронологической шкалы использования меча с У-образной рукоятью, орнаментированного наконечника копья и возможным временем проникновения на остров представлений о боевой колеснице и о мече с костяной втульчатой рукоятью. Континентальный материал, типологически близкий материалу этой эпохи в Ирландии, относится к периоду смены гальштата латеном и первых фаз латена — к V—III вв. до н. э. по шкале памятников Галлии. А то, что описание воина на колеснице занимает достаточно важное место в структуре текста саги, позволяет предположить, что в эпоху перехода к латену формируется весь пласт героических мотивов.

В заключение следует отметить, что соотнесение героических пластов саг Уладского цикла с археологическим материалом эпохи раннего латена

²⁸ *Macalister R. A. S. The Archeology of Ireland. I. L., 1928. P. 135.*

²⁹ *Граков Б. Н. Ранний железный век (Культура Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.*

³⁰ *Macalister. Op. cit. P. 144.*

³¹ *Ibid. P. 154; Монгайт. Ук. соч. С. 191.*

позволяет поставить ряд проблем, связанных с социальной структурой кельтов, в частности, проблему возрастных групп воинов у ирландцев и континентальных кельтов. Кроме того, возможна более широкая постановка проблемы социальной организации континентального кельтского общества, так как привлечение ирландского материала позволяет более полно судить о военной аристократической прослойке кельтского общества. Однако рассмотрение этих проблем выходит за рамки данной работы.

Н. В. Ссорин-Чайков

L'ORIGINE HISTORICO-ARCHEOLOGIQUE
DE CERTAINS STÉRÉOTYPES ÉPIQUES

(*Les descriptions de guerriers en armes dans l'épopée héroïque irlandaise*)

N. V. Ssorin Chaïkov

L'auteur tente d'établir une corrélation entre la strate héroïque des légendes du cycle d'Ulaid de l'épopée irlandaise et les *realia* de la culture celtique, en s'appuyant sur l'analyse d'un attribut des sagas, les descriptions de guerriers montés sur chars. Il dégage d'abord le lien existant entre les éléments de ces descriptions (char de combat remorqué par deux chevaux, armement — épée, bouclier, une ou deux lances — et caractères fixes de l'extérieur du héros, notamment sa longue chevelure peinte en plusieurs couleurs) et les stéréotypes épiques du comportement du guerrier après le rite d'initiation. Dans une deuxième partie, l'auteur examine une abondante documentation archéologique qui lui permet de présumer que ce complexe a pour origine l'époque du La tène précoce (V^e — IIe ss. av. n. è. selon la chronologie des monuments en Gaule et des Ier s. av. — IIe s. de n. è. en Irlande). C'est à cette époque — là que se répandent les sépultures celtiques avec chars dont l'inventaire coïncide pour l'essentiel avec le complexe des descriptions standard du guerrier sur char dans l'épopée irlandaise. La comparaison des éléments de ces descriptions avec les données archéologiques relatives à la culture celtique permet à l'auteur de conclure que la question d'une correspondance éventuelle des stéréotypes de comportement des héros épiques avec la structure sociale de la société celtique ancienne mérite d'être étudiée.